

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Роккер Рудольф
Реформация и новое государство
1949

Скопировано 10.03.2025 с
<https://www.nihilist.li/2017/01/17/reformatsiya-i-novoe-gosudarstvo-glava-vi-iz-knigi-natsionalizm-i-kul-tura/>
Перевод с немецкого по «*Nationalismus und Kultur*», 1999
Также доступно здесь: <https://liberadio.noblogs.org/?p=1656>

ru.anarchistlibraries.net

Реформация и новое государство

Роккер Рудольф

1949

Реформация и социальные народные движения Средневековья. Церковный раскол и княжеские интересы. Отношение Лютера к государству. Протестантство как помощник княжеского абсолютизма. Религия и государственные интересы. Дословность и внутреннее порабощение. Крестьянское восстание. Уиклиф и реформация в Англии. Движение гусситов, каликситов и таборитов. Война как источник деспотизма. Хельчицкий, противник церкви и государства. Протестантство в Швеции. Экспроприация церкви. Кальвинизм. Учение о предначертании. Террористический режим в Женеве. Протестантство и наука.

В реформационном движении стран Севера, отличающемся уже своим религиозным содержанием от Ренессанса латинских народов с его явным языческим окрасом, необходимо чётко различать две тенденции: народную революцию крестьян и низших слоёв городского населения и так называемый протестантизм, который как в Богемии,

так и в Англии, как в Германии, так и в скандинавских странах стремился лишь к отделению церкви от государства и, прежде всего, к концентрации всей власти в руках государственных учреждений. Память о народной революции, утопленной в крови зарождавшимся протестантизмом и его княжескими и церковными представителями, была позже оклеветана и унижена победителями, как оно обычно и происходит; и поскольку в общепринятой историографии издавна успех и крах какого-либо дела служили важнейшими критериями, то не могло и быть иначе, чем в позднее в реформации не видели ничего, кроме движения самого протестантизма.

Революционные устремления масс были направлены не только против римского папизма, но и в куда большей мере – против общественного неравенства и привилегий богачей и власть имущих. Протагонисты народного движения воспринимали эти различия как насмешку над чистым учением Христа, основанном на равенстве всех людей. Даже когда церковь достигла наивысшего пика своего могущества, заветы народной церкви с её общинным образом жизни и духом братства ещё не совсем угасли в народе. Они продолжали существовать у гностиков и манихейцев первых столетий и в еретических сектах Средневековья, достигавших поразительного количества. Да и происхождение монастырей восходит к этим тенденциям. Из этого духа родился хилиазм, вера в грядущее тысячелетнее царство мира, свободы и общественного владения собственностью, нашедшая своё отражения в учениях Иоахима Флорского и Амальриха Бенского.

Эти традиции были живы у богомилов в Болгарии, Боснии и Сербии, а также у катарцев в латинских странах. Они разжигали мужество веры в вальденсах и еретических сектах Лангедока и наполняли гумилиатов и апостольских братьев Северной Италии внутренним светом. Мы обнару-

живаем их у бегинь и бегардов во Фландрии, у анабаптистов Голландии и Швейцарии, у лоллардов в Англии. Они жили в революционных движениях Богемии и в заговорах немецких крестьян, объединившихся под символами крестьянского башмака и «Бедного Конрада» с целью преодолеть феодальный гнёт. И это был дух тех же традиций, который снизошёл на «цвиккауских пророков» и придал столь мощный импульс революционным действиям Томаса Мюнцера.

Против некоторых из этих движений церковь при помощи мирских властителей организовывала целые крестовые походы, как, например, против богомилов и альбигойцев, из-за чего целые страны наполнялись на столетия пожарами и убийствами, погибали многие тысячи людей. Но эти жестокие преследования привели лишь к тому, что эти движения обосновались в других странах. Тысячи беженцев шли из страны в страну и разносили свои учения. То, что большинство еретических сект Средневековья поддерживали отношения через границы, было безупречно подтверждено научными исследованиями. Такие отношения можно обнаружить между богомилами и некоторыми сектами в России и Северной Италии, между вальденсами и сектантами в Германии и Богемии, между анабаптистами Голландии, Англии, Германии и Швейцарии.

Целые крестьянские восстания в Северной Италии, Фландрии, Франции, Англии, Германии и Богемии с XIII по XVI века вдохновлялись этими движениями, они дают нам сегодня довольно ясное представление о чувствах и мышлении широких слоёв населения того времени. Однако тут можно говорить не о каком-то однородном движении, но о целом ряде движений, предшествовавших однородной Реформации и её начавших. Известная сатирическая песенка английских лоллардов: «Когда

Адам пахал, а Ева пряла, где был аристократ?» – могла бы служить девизом большинству этих движений.

Истинное народное движение эпохи Реформации не искало союзов с князьями и аристократами, т.к. его протажонисты инстинктивно почувствовали в оных непримиримых врагов простого народа и были намерены сражаться не вместе с ними, а против них. Но поскольку большинство великих реформаторов, вроде Гуса, Уиклифа, Лютера и других, изначально принадлежали народным движениям, то и зарождающийся протестантизм был с самого начала тесно с ними связан. Но это быстро изменилось, когда общественные противоречия между обеими тенденциями начали становиться всё более явными и стало понятно, что широкие народные массы не готовы были удовлетвориться простым «Прочь от Рима!»

Отделение от римской церкви было желанным для князей северных стран, лишь пока оно не имело никаких иных последствий, а их политические и экономические привилегии оставались незатронутыми. Откол от Рима должен был не просто послужить их собственному авторитету, он препятствовал и вывозу из их стран значительных финансовых средств, которые могли пригодиться им дома куда больше; кроме того, он давал им возможность наложить лапы на церковное имущество и перенаправить прибыли в свои собственные кассы. Вот такие размышления и заставили северных князей встать на сторону Реформации. Мелочные склоки теологов их практически не интересовали, но отделение от Рима давало им вполне ощутимые преимущества, отрицать которые было невозможно. Так что, было весьма выгодным прислушаться к «голосу совести» и заступиться за новых пророков. Кроме того, теологические предводители Реформации старались быть не особенно требовательными по отношению к благородным верующим, но тем более они пытались показать земным

зелотской жажды преследования и внутренней несвободы притаилось за фасадом этого движения. Ни нерешительность, ни преувеличенная боязливость не повлияли на их позицию; это было бескультурье и притуплённость восприятия, отчуждавшие представителей гуманизма от протестантских течений, но прежде всего — национальная ограниченность последних, посредством которой была разрушена та культурная связь, что ранее объединяла народы Европы.

Но, прежде всего, тут друг другу противостояли два образа мышления, у которых не могло быть никаких точек пересечения. Когда Эразм Роттердамский требовал от обществнности назвать ему «мужей, сделавших при лютеранстве важные научные открытия», этот вопрос должен был показаться большинству его протестантских противников совершенно непонятным, т.к. они надеялись найти единственный путь познания на страницах Библии, а не в науке. Но, тем не менее, вопрос Эразма сделал явной всю ширину пропасти, лежащей между этими двумя тенденциями.

это лишь потому, что область его действий была более тесной, и хотя бы уже поэтому он не мог сравниться с Римом.

К развивающейся науке протестантизм относился с такой же враждебностью, как и к католической церкви. Его внутреннее отвержение научного прогресса зачастую выражалось ещё более явно, т.к. мёртвая вера в буквы застилала его представителям глаза на всякую вольную мысль. Перевод Библии на различные национальные языки привёл к весьма своеобразному результату. Выдающиеся представители протестантизма считали Библию не книгой и даже не собранием книг, которые были придуманы и записаны людьми, они считали её Божьим откровением. По этой причине «священное Писание» было для них непогрешимым. Все события они оценивали согласно его содержанию и проклинали любое познание, не совпадавшее со словами Писания. Так, для приверженцев новой церкви слово стало всем, а дух — ничем. Они заключили разум в клетку мёртвого буквенного фетишизма и стали, таким образом, невосприимчивы ко всякому научному мышлению. Не зря Лютер называл разум «дьявольской блудницей». Его высказывание о Копернике служит наглядным примером протестантского образа мышления. Великого учёного он называл дураком и опровергал его картину мира тем, что в Библии сказано, мол, Иисус Навин приказал остановиться солнцу, а не земле.

Кстати, эта религиозная вера в букву является непосредственной предшественницей той, более поздней, политической веры в политические чудеса, которая клянётся буквой закона и привела к не менее роковым последствиям, чем слепая вера в «записанное Божье слово».

Эта духовная скованность, присущая самой сущности протестантизма, заставила гуманистов, поначалу радостно приветствовавших Реформацию в северных странах, затем от неё отвернуться, когда им стало ясно, сколько

властителям посюсторонние выгоды своей затеи. Так, Гус обращался к ним на языке, который они понимали лучше прочих:

«О, вы верные короли, князья, властители и рыцари! Очнитесь от опасного сна, в который вас погрузили священники, и уничтожьте в пределах ваших владений симонитскую ересь... Не допустите, чтобы из ваших стран вывозились деньги вам во вред».

Духовные предводители протестантизма с самого начала обращались к властвующим кастам своих стран, чья поддержка казалась им необходимой для победы. Но т.к. они изначально старались не рассориться с угнетённым народом, то они пытались, пусть и безуспешно, примирить народные движения с эгоистическими устремлениями князей и аристократов. Но попытке этой было уже потому суждено остаться безуспешной, что общественные противоречия к тому времени зашли так далеко, что их нельзя было сгладить парой фальшивых компромиссов. Чем активнее реформаторы предлагали свою службу властителям, тем более они отдалялись от революционного движения народа и настраивали его против себя. Особенно ясно это видно в случае Лютера, обладавшего наименьшим общественным чутьём и бывшего столь умственно ограниченным, что он действительно был уверен в усмирении народного движения посредством основания новой церкви.

Подобно Гусу, Лютер ссылался на апостола Павла, чтобы доказать, что князья не подотчётны церкви, но призваны повелевать священниками и епископами. В своём воззвании «К христианской аристократии немецкой нации» он пытался доказать, что, согласно Писанию, вообще не должно быть сословия священников, а только священнический пост, занимать который мог любой человек, обладавший необходимыми навыками и доверием своей общины. Но

из этого следовало, что у церкви нет права на власть и контроль над государством. По мнению Лютера, вся власть должна была сосредотачиваться в государстве, призванном самим Богом для защиты общественного порядка. В принципе, этим убеждением и исчерпывается всё политическое значение протестантизма.

Протестантизм освободил совесть людей из-под надзора римской церкви, но лишь затем, чтобы перепродать её государству. В этом и только в этом заключается протестантская миссия Мартина Лютера, называвшего себя «слугой Божиим», но бывшего не кем иным, как слугой государства и союзников. Лишь его собственная сервильность давала ему силу, чтобы предать народное дело немецким князьям вместе с ними заложить фундамент новой церкви, которая в молчаливом согласии с кожей и костями предалась государственной власти и проповедовала волю князей и землевладельцев как Божью волю. Лютер свёл религию с политикой, бросил живой дух в тюрьму слова и стал герольдом дословной премудрости, которая толковала откровение Христа в смысле государственного интереса, заставляла людей как клеймённых галерных рабов маршировать к райским воротам, дабы вознаградить их вечной жизнью за рабство на Земле.

Человек Средневековья ещё не был знаком с государством в собственном его смысле. Представление о некоей центральной власти, втискивающей всяческое общественное проявление жизни в определённые рамки и ведущее человека от колыбели до могилы на поводке власти, было ему чуждо. В его жизни обычай и естественная договорённость с соседями играли важнейшую роль. Его понятие о праве опиралось на привычку, к которой его приобщала традиция. Его религиозное сознание понимало несовершенство всех человеческих учреждений, почему он был склонен разбираться в своих делах сам и строить свои отно-

стоять типичные для протестантизма в целом и для пуританства Кальвина. Исторические исследования выявили, кроме того, что во время правления Кальвина моральное разложение и политическая нечистоплотность цвели буйным цветом и приняли доселе невиданный размах.

Часто Кальвина хвалят за то, что он воплотил демократические принципы в политическом управлении; при этом, однако, забывают, что Женева тогда была не каким-нибудь крупным монархическим государством, а небольшой республикой, и что реформатору уже только по этой причине приходилось идти на некоторые демократические компромиссы. Но, прежде всего, нужно обратить внимание, что в то фанатичное время, когда люди потеряли чувство всякого внутреннего равновесия и благоразумного действия, именно формальная демократия послужила Кальвину для укрепления своей власти, т.к. он мог выдавать её за волю народа. На самом деле демократический наряд политики Кальвина был лишь обманчивым фасадом, который не может скрыть теократического характера этого государства.

Т.е. протестантизм ни в коем случае не был знаменем духовной независимости или «религии свободы совести», как его часто величают. В вопросах веры он был таким же нетерпимым и не менее склонным к жестоким преследованиям инакомыслящих, чем католичество, ведь он всего лишь сместил авторитет из религиозной области в область политическую и пробудил, тем самым, цезарепапизм к новой жизни. Во многих аспектах он был более черстоушен и умственно ограничен, чем главные представители старой церкви, чей богатый опыт, духовная культура и знание человеческой природы у него полностью отсутствовали. Если его преследования повлекли меньше жертв, чем последовательная нетерпимость папской церкви, то

ное право. Уши были даже у стен, ибо всякий верующий был вынужден постоянно похвалиться своей набожностью и постоянно склонялся к предательству. И в этом отношении политическая или религиозная *правоверность* всегда приводит к одним и тем же результатам.

Принятые у Кальвина наказания были чудовищны. Малейшее сомнение в догмах новой церкви, как только оно доходило до шпионских ушей, каралось смертью; зачастую для вынесения смертного приговора было достаточно простого подозрения — в особенности, когда подозреваемый по той или иной причине не нравился власти предержащим. Целый ряд проступков, которые раньше карались короткими тюремными сроками, во время правления Кальвина наказывались палачом. Костры, виселицы и дыба в «протестантском Риме», как тогда именовалась Женева, были постоянно при деле. Хроники того времени рассказывают о невероятных мерзостях, к самым жутким среди них относятся казнь ребёнка и случай женевского палача Жана Гранжа, которому пришлось отрубить собственной матери правую руку, а затем сжечь её живьём, т.к. она якобы распространяла чуму по стране. Самой известной является казнь испанского врача Мигеля Сервета, которого в 1553 году поджарили на медленном огне за то, что он усомнился в учение о триединстве и о предначертании Кальвина. Трусливый и подлый способ, которым Кальвин казнил несчастного врача, представляет характер этого человека в жутком свете, его жестокий фанатизм кажется нам таким невероятным потому, что он был чудовищно трезв и коренился по ту сторону всяческого человеческого чувства.

Поскольку человеческая природа, не смотря ни на что, не даёт переделать себя просто так — она, в виде тайной страсти, тлеет под поверхностью и демонстрирует вовне то ничтожное притворство и то отвратительное лицемерие,

шения с другими людьми так, как это соответствовало его актуальным потребностям и старинным обычаям взаимного договора. И когда зарождающееся государство начало вмешиваться в правовые отношения, человек сделал своё дело делом Бога и стал сражаться против причинённой ему несправедливости. В этом, собственно, заключается весь смысл великих народных движений эпохи Реформации, стремившихся придать «свободе некогда евангельского человека-христианина», как это сформулировал Лютер, общественное содержание.

Лишь когда народное движение было утоплено в море крови князьями и землевладельцами, когда «верный божий человек» Лютер благословлял палачей взбунтовавшихся крестьян, победоносное протестантство подняло голову и освятило государство с его законным порядком, заплатить за который пришлось грандиозной кровавой бойней 130 тысяч человек. Так произошло «примирение религии с правом», как потом выразился Гегель. Новая теология стала ходить в школу к юристам, буквенная премудрость закона убила совесть или изобрела ей эффективную замену. Трон превратился в алтарь, на котором людей приносили в жертву новому идолу. Позитивное право стало божественным откровением, само государство — представителем Бога на Земле.

В прочих странах протестантизм преследовал те же цели; он повсюду предал народные движения и сделал Реформацию делом князей и привилегированных слоёв общества. Движение, начатое Уиклифом в Англии и перекинувшееся на другие страны, в особенности на Богемию, носило поначалу чисто политический характер. Уиклиф боролся с Папой, т.к. тот встал на сторону Франции, заклятого врага Англии, и потребовал от английского правительства, чтобы король и далее продолжал именовать себя «вассалом Великого престола» и продолжал платить ему дань,

как это делал Джон Первый по отношению к Папе Иннокентию Третьему. Но те времена прошли. После того, как французский король Филипп Прекрасный не покорился приказу Бонифация Восьмого и вынудил его наследника основать резиденцию в Авиньоне, неограниченная власть Пап претерпела тяжкий урон, от которого она больше не оправилась. Посему и английский парламент смог отважиться отвергнуть требования Папы на том основании, что ни у какого короля нет права уступать суверенность своей страны Папе.

Сначала Уиклиф защищал полную независимость мирской власти от церкви и лишь тогда перешёл к критике религиозных догматов, когда пришёл к убеждению, что вопрос этот без открытого разрыва с папизмом разрешить нельзя. Но после того, как в Англии разразилось крупное крестьянское восстание и крестьянские армии под предводительством Уота Тайлера и Джона Болла стали существенно угрожать правительству и королю, противники Уиклифа воспользовались ситуацией, чтобы выставить против него обвинения на суде. Уиклиф объявил, что не одобряет поступки бунтующих крестьян, но сделал он это с такой кротостью и пониманием страданий бедняков, которая значительно отличается от той ярости берсерка, с которой Лютер в своём знаменитом сочинении «Против разбойничающих и убивающих крестьян» подстрекал немецких князей и землевладельцев на безжалостное уничтожение крестьян.

Когда Генрих Восьмой позднее пошёл на разрыв с папской церковью и конфисковал её владения, он сделал сам себя главой новой государственной церкви, которая полностью подчинялась приказам мирской власти. То, что тот же самый Генрих ранее писал обвинительные письма против Лютера, чтобы самому защищать национальные интересы против папства, служит лишь доказательством тому, что

не является исключением из этого правила, т.к. по своей сути он был ещё более несвободным, чем прочие течения протестантизма. Если он и восставал против абсолютизма в этих странах, то только по причинам, объяснявшимся особенностями тех обществ. По сути же он был невыносимо деспотичен, т.к. вторгался в судьбу человека более, чем когда-либо пыталась римская церковь. Никакое иное учение не оказывало на личную жизнь каждого отдельного человеческого существа такого глубокого и долгосрочного влияния, ведь «внутренние перемены» были одним из самых важных пунктов учения Кальвина. И он «изменял» людей так долго, пока от их человечности не оставалось ничего.

Кальвин был одной из самых ужасающих личностей в истории, протестантский Торквемада и алчный фанатик, готовивший людей пытками и колесованием к вхождению в царство Господне. Подлый и хитрый, лишённый всякого глубокого чувства, как самый настоящий инквизитор он судил людские слабости и установил в Женеве настоящий террористический режим. Ни один Папа не обладал такой полнотой власти. Церковные порядки регулировали жизнь людей от рождения до самой смерти и заставляли их на каждом шагу чувствовать, что жизнь их отягчена первородным грехом, который в мутном свете кальвинистского учения о предначертании приобретал особенно мрачный характер. Любая радость в жизни презиралась. Вся страна должна была походить на келью послушника, в которой дозволялись лишь осознание собственной вины и отчаяние. Танцы и музыка запрещались даже на свадьбах; в городских театрах разрешались только драмы религиозного содержания. Невыносимая цензура заботилась о том, чтобы не публиковалась никакая мирская литература, в особенности — романы. Целая армия шпионов наводнила маленькую страну и попирала любое домашнее и семей-

Сколь мало народ симпатизировал лютеранству, становится видно уже из того, как часто крестьяне грозились пойти на Стокгольм, чтобы стереть с лица Земли этот «духовный Содом», как они называли столицу из-за её протестантских устремлений. Между королём и верховными священниками тоже разгорались ожесточённые конфликты из-за дальнейших конфискаций доходов церкви, пока Густав постепенно не упразднил последние права церковного самоуправления и не подчинил её государству полностью. Но то народное сопротивление, на которое наталкивался Густав Ваза со своими планами, заставлял его и его потомков всё более полагаться на аристократов. Они, однако, оказывали поддержку короне не бесплатно, поэтому королю приходилось всё более обязывать крестьян на службу землевладельцам, чтобы заручиться их союзничеством.

Так, протестантизм в Швеции с самого начала был делом правящей династии, планомерно насаждавшей его в народе. То, что Густав Ваза обратился в протестантизм благодаря некоему внутреннему убеждению, является такой же сказкой как и утверждение, что и его потомок Густав Адольф против воли и скрепя сердце вторгся в Германию, чтобы поддержать своих братьев по вере. Ради такой цели ни сам «снежный король, как называли его его враги, ни его премудрый канцлер Оксенстирна не дали бы и ломаного гроша. То, к чему они стремились, было неограниченной властью на побережье Балтийского моря, и ради этой цели они готовы были воспользоваться любой святой ложью.

Повсюду, где протестантизм получал хоть какое-либо влияние, он всегда оказывался верным слугой зарождающегося абсолютизма и передавал государству все права, который отбирал у римской церкви. Кальвинизм, боровшийся с абсолютизмом во Франции, Голландии и Англии,

и в Англии земные выгоды обладали для представителей аристократии большей привлекательностью, чем «чистое Божье слово» нового учения.

В Богемии, где общая ситуация и без того была напряжённой ввиду национального конфликта между чехами и немцами, Реформация обрела своё невероятно интенсивное выражение. Собственно гуситское движение появилось в Богемии только после сожжения Яна Гуса и Иеронима Пражского.

То, что раньше проповедовал Гус, было, в общем и целом, мыслями Уиклифа, которые пражский реформатор перевёл на язык своих соотечественников. Как и Уиклиф, Гус выступал за освобождение мирской власти от всяческого попечительства церкви. Церковь должна была заниматься только душевным благополучием людей и держаться подальше от всякого властного поста. Из «двух китов», как Пётр Хельчицкий называл церковь и государство, Гус намеревался отдать все права на мирские дела только государству. Церковь должна была быть бедной, отказаться от всяческих земных богатств, священники — подлежать мирскому правосудию как и все прочие подданные. Кроме того, сан священника должен был быть доступен и мирянам, если они, конечно, подходили для этого в силу своих моральных качеств. Ещё Гус порицал моральное разложение в среде священников и с особым жаром критиковал торговлю индульгенциями, с особым бесстыдством ведущуюся как раз в то время в Богемии. Помимо этих чисто политических требований, которые тут нас и интересуют и которые, как известно, нашли в среде аристократов значительный отклик, Гус выдвинул ещё целый ряд теологических требований, направленных против исповеди, нищенствующих монашеских орденов, учения о чистилище и прочего. Но симпатии чешского населения ему принесло, в основном, учение о том, что не обязатель-

но отдавать десятину; но прежде всего это было строго националистическое отношение к немцам, которые, как считалось у чехов, портили страну.

Каликстинцы или утраквисты гуситского движения, к которому принадлежали, в основном, аристократы и зажиточные пражские горожане, охотно удовлетворились бы воплощением этих требований и некоторых скромных социальных реформ в жизнь, ведь заинтересованы они были, в первую очередь, в огромных богатствах церкви и в мире и спокойствии в стране. Но собственно народное движение, большая часть участников которого происходила из крестьянства и бедных слоёв городского населения, стремилась пойти дальше и требовала, в особенности, освобождения крестьян из крепостничества, тяжко довлевшего над провинцией. Карл Четвёртый должен был запретить аристократам при малейшей провинности выкалывать своим крепостным глаза и отрубать им конечности. Движение так называемых таборитов охватывало, прежде всего, демократические элементы в народе, от коммунистов до хилиастов, и было настроено на решительную борьбу.

То, что между этими двумя основными течениями гуситства рано или поздно должно было дойти до насильственных столкновений, было неизбежным и было отсрочено лишь общими политическими событиями в стране. Собственно, когда немецкий кайзер Сигизмунд после внезапной кончины своего брата Венцеля унаследовал от него богемскую корону, вся страна пришла в невероятное возбуждение; ибо благодаря не сдержанному кайзером обещанию Гусу пришлось погибнуть на костре; с тех пор Сигизмунд считался в Богемии самым главным врагом всех реформационных тенденций. Вскоре после восхождения на трон в марте 1402 года Папа Марген в особой булле потребовал от всего христианского мира крестного похода против Богемии, и армия из 150 тысяч человек со всех кон-

рых его епископов, он наконец-то сбросил маску нейтральности и выступил открытым врагом римской церкви, дабы претворить свои политические планы в жизнь. Так, в 1526 году он закрыл все католические издательства в стране и присвоил себе два трети доходов церкви, чтобы погасить государственный долг. Но он не отважился пойти на такой шаг самостоятельно; ему пришлось отдать значительную часть церковных земель своим феодалам, чтобы заручиться их дружбой, т.к. крестьяне были настроены решительно против так называемой церковной реформы и осуждали разграбление имущества церкви.

Эти враждебные настроения среди простого населения вновь поставили молодую династию в щекотливое положение. Шведские крестьяне, не знавшие в Средние века крепостного права, обладали значительным влиянием в стране. Они и сделали Густава Вазу королём, чтобы положить конец интригам датской партии. Но теперь, когда король пытался, принудить страну к новой вере, а кроме того, ещё и облагал крестьян огромными налогами, часто стали происходить столкновения между короной и крестьянским населением. С 1526 по 1543 годы Густаву пришлось отбиваться от не менее шести крестьянских восстаний, которые хоть и не увенчались успехом, но привели к тому, что королю приходилось умерять свои периодически разгорававшиеся абсолютистские аппетиты.

Густав Ваза отлично понимал, что жизнь и смерть его династии напрямую зависит от протестантизма. Разграблением церковного имущества и публичной казнью двух нелояльных католических епископов в Стокгольме он сжёг за собой все мосты и должен был идти по избранному пути дальше. Посему в завещании он увещевал своих наследников оставаться верными новой вере, т.к. только тогда династия сможет оставаться у власти.

вполне однозначными экономическими выгодами, которые заставили его сделать этот шаг. Грубая ошибка папского штаба значительно этот шаг ему облегчила.

Вскоре после восхождения на трон король обратился к Папе с весьма верноподданническим письмом и попросил назначить новых епископов в Швецию, которые должны «заботиться о праве церкви, не вмешиваясь в дела короны». Более всего Густав желал, чтобы Папа утвердил назначенного королём первосвященника Йоханниса Магни на посту архиепископа Упсалы, предшественник которого, Густавус Тролле фом Риксдаг, считался предателем, т.к. призвал в страну датского короля Кристиана Второго, чтобы сместить регента Стена Стуре. Густав пообещал Папе «остаться верным сыном церкви», и посчитал, что может положиться на то, что Ватикан удовлетворит его просьбу. Вот только Папа, посоветовавшись со своими помощниками, решил, что правление Густава не будет долгим, и с непреклонной строгостью потребовал возвращения на службу Густавуса Тролле. Жребий был брошен. Король не мог на это пойти, даже если ему и хотелось избежать открытого разрыва отношений с Римом. Хотя большинство шведского населения и было католическим и слышать ничего не хотело о Лютере, но терпеть власть датского короля в стране вольным шведским крестьянам хотелось ещё меньше. Кровавая тирания деспотичного Кристиана Второго была тому достаточной причиной. Так, король смог решиться на то, чтобы пойти на разрыв с папизмом, которого он в тайне так желал. Но хотя Швеция и отделилась от Священного престола, богослужение осталось тем же, а король с тех пор отдавал предпочтение протестантским проповедникам.

Но Густав стремился, в первую очередь, под любым предлогом присвоить себе имущество церкви, которая в Швеции была очень богатой. После нескольких осторожных попыток, натолкнувшись на сопротивление некото-

цов Европы отправилась в поход против гуситов. Теперь восстание разгорелось по всей стране самым настоящим пожаром. Каликстинцы и табориты, подвергаясь одной и той же непосредственной опасности, временно прекратили внутренние распри и быстро объединились для совместной обороны. Под предводительством престарелого Жижки, опытного воина, первая армия крестоносцев была разбита наголову. Но борьба на этом не закончилась, Папа и кайзер продолжили нападения на богемскую ересь; так, началась одна из самых кровавых войн, которую обе стороны вели с невероятной ожесточённостью. После того, как гуситы изгнали врага из своей страны, они перенесли войну на соседние государства, опустошали города и деревни и стали благодаря своей непоколебимой смелости настоящим устрашением для своих врагов.

Двенадцать лет продлилось это ужасающее кровопролитие, пока гуситы и не разбили и не обратили в бегство последнюю армию крестоносцев при Домажлице. Результатом начавшихся переговоров о мире, завершившихся на соборе в Базеле, был «Пражский Компактат», содержащий некоторые значительные компромиссы в вопросах веры в отношении гуситов, но прежде всего он постановил отказ церкви от церковного имущества, присвоенного чешской аристократией. Тем самым, война с внешним врагом подошла к концу, но лишь для того, чтобы уступить место войне внутри движения. Во время коротких передышек, которые иногда позволяла гуситам война против Папы и немецкого кайзера, противоречия между каликстинцами и таборитами разгорались по новой и постоянно приводили к новым кровавым столкновениям, посредством которых права аристократии были в значительной мере ограничены её сильным противником. Поэтому каликстинцы периодически пытались начать переговоры с Папой и кайзером; так, разумеется, оставалось недолго ждать, по-

ка после мирного договора, в заключении которого они участвовали наиболее активно, их не поддержали в борьбе против таборитов их бывшие злейшие враги. В мае 1434 года оба лагеря столкнулись в жесточайшей битве при Липанах, в которой погибло около 13 тысяч таборитов, а их армия была почти полностью уничтожена.

Тем самым, было окончательно разбито и народное движение, и начались трудные времена для простого народа в деревне и в городе. Уже тогда стало ясно, что революционное народное движение, если оно по чужой или собственной вине ввязывается в долгую войну, вынуждено отказываться от своих первоначальных устремлений, т.к. требования войны полностью подчиняют себе все силы и таким образом делают невозможным любое творческое развитие новых общественных форм. Не только потому, что война в целом разрушительно влияет на природу человека, когда она постоянно взывает к его самым жестоким и разрушительным инстинктам, армейская дисциплина, которой требует война, удушает всякое свободлюбивое движение в народе и систематически воспитывает тот дух падального подчинения, испокон веков являвшегося отцом всяческой реакции.

Это пришлось познать и таборитам. Если их противники, профессора Пражского университета, обвиняли их в том, что они стремятся к такому общественному состоянию, «в котором нет ни короля, ни властителя, не одного единственного слуги на Земле, все подати и налоги прекратились, никто никого ни к чему не принуждает и все живут, как равные братья и сёстры», то вскоре стало заметно, что война всё более отдаляет их от этого идеала. Военные предводители не только подавляли все вольные течения внутри движения при помощи жестокого насилия, национальный дух, населявший их и накалившийся в ходе всех этих ужасных войн добела, отчуждал их всё

более и более от любых чисто человеческих идей, без которых не может существовать ни одно истинно революционное движение. Как только люди привыкают к тому, что все проблемы общества решаются вооружённой рукой, до деспотизма остаётся не так далеко, пусть даже ему даётся другое имя, а его настоящая сущность прячется под какой-нибудь хитрой вывеской. Так с Табором и случилось. Иго несвободы всё тяжелее лежало на его жителях и умерщвляло некогда населявший их дух. Так проникновенно описывал Пётр Хельчицкий, предтеча Толстого и один из, по крайней мере, внутренне свободных людей той эпохи, отвергавший как церковь, так и государство, это ужасное состояние, ввергнувшее целую страну в нескончаемую войну:

«...вот поселяется некто в пещере вместе с ворами и занимается насилием, грабежом и убийством, считается при этом постоянно слугой Господа и меч носит неспроста. Но правда такова, что носит он его не просто так, а для всяческой несправедливости, насилия, грабежа и угнетения работающих бедняков. Тем самым эти господа разделили народ на части и направили друг на друга, и всякий направляет своих людей, подобно стадам, на битву против других. Так, эти господа уже отправили всех крестьян на убийство тем, что они всегда при оружии, постоянно готовы к битве. От этого вся братская любовь пронизывается жаждой крови, чтобы в этом напряжении борьба давалась легко и получалось много убийств».

Совершенно особый характер Реформация приобрела в Швеции, где протестантизм просто был привит народу сверху молодой династией, основанной Густавом Вазой, причём просто ввиду обычного политического расчёта. Ибо ни в коем случае не святость нового Божьего учения подвигала Густава Первого на разрыв с Римом; это были трезвые внешнеполитические размышления вкупе с